

Илона Волынская, Кирилл Кащеев

ФОРМУЛА КЛАДА

#эксмообесптлво

ЧЕРНЫЙ КОТЕНОК

Детективное агентство «Белый гусь»

Кирилл Кащеев

Формула клада

«ЭКСМО»

2017

УДК 821.161.1-053.6
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Кащеев К.

Формула клада / К. Кащеев — «Эксмо»,
2017 — (Детективное агентство «Белый гусь»)

ISBN 978-5-699-97613-3

Вадька и его сестра Катька, юные детективы из агентства «Белый гусь», поехали в летний физико-математический лагерь. Отдохнуть у моря, покупаться, порешать заковыристые задачи с преподавателями из университета. Только в действительности все оказалось не столь радужно. Мало того что пансионат не достроен, так еще и научный лагерь совмещен с военно-спортивным. Логично, что из юных физико-математиков и спортсменов в камуфляже смесь получилась взрывоопасная. Первые считают слабаком того, кто не разбирается в программировании, вторые – того, кто не может отжаться сотню раз. Ну и что может быть хуже этого? Только найденный клад... потому что для взрыва нужен детонатор.

УДК 821.161.1-053.6
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-699-97613-3

© Кащеев К., 2017
© Эксмо, 2017

Содержание

Пролог	6
Глава 1	13
Глава 2	16
Глава 3	20
Глава 4	25
Глава 5	33
Конец ознакомительного фрагмента.	34

Илона Волынская

Формула клада

© Волынская И., Кащеев К., 2017

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2017

Пролог Пчелиный клад

– Заберите меня отсюда! – ладонью прикрывая шею от палящих лучей, взмолился парень, ужасно похожий на «юного гения» из комиксов: неровно подстриженные волосы, застиранные до белизны джинсовые шорты, растянутая футболка и очки с перекошенной дужкой на мокром от пота носу.

Компания по-летнему легко и пестро одетых ребят устроилась на полуобвалившейся стене среди развалин то ли хутора, то ли рыбацкой деревушки – на горизонте виднелась ярко сияющая под летним солнцем полоска моря. Вокруг чернели ямы старых подполов, торчали ломаные остовы стен с пустыми оконными проемами. Хотя заброшенным это местечко не было – невдалеке возвышалась бетонная, ярко сияющая новехонькими стеклами громада пансионата, да и сами развалины больше напоминали полигон, поверх одних ветхих стен набросили длинные доски, через другие перекинули канаты с узлами и веревочные лестницы. Под новехоньким деревянным навесом на грубо сколоченном щите висел... целый арсенал: автоматы, пара снайперских винтовок, гранатомет. Рядом стоял ящик, в котором горкой, как яблоки в супермаркете, лежали гранаты.

– А тебе не кажется, что вот им хуже? – Симпатичная рыжая девчонка, тоже в шортах и завязанном под грудью топе камуфляжной расцветки, кивнула на неровный строй из двух десятков парней и пары девчонок в военном камуфляже.

– Я на их шоу не напрашивался! – отрезал «юный гений».

– Кру-угом! – срывая горло, заорал семнадцатилетний командир камуфляжников. – Равняйся! Смирно!

Строй пошушукался, потолкался, уронил правофлангового на кучу битого кирпича и наконец замер. Бум-бум-бум! – из-под берцев марширующего командира взвилась сухая пыль. Кто-то закашлялся, девчонки принялись брезгливо стряхивать пыль с шортов и юбок.

– Не можете потерпеть? Они же стараются! – Рыжая в камуфляжном топе отчаянным усилием сдержала кашель.

– Они очень старательно делают то, о чем их никто не просил и что никому, кроме них, не нужно! – отчеканил другой парень. На встрепанного «юного гения» он походил лишь тем, что тоже носил очки – стильные, ловко сидящие на тонком носу. Он неприязненно глядел в спину марширующему командиру. Тот торжественно прошагал к сколоченной из старых досок зрительской трибуне и вскинул ладонь к виску:

– Пан головной атаман лагеря! Отряд «Славные атаманы» военно-патриотического лагеря при добровольческих батальонах для проведения показательной тренировки построен! Рапорт сдавал Евтюхов Евгений!

Рыжая девчонка в камуфляжном топе трепетно вздохнула.

– Рапорт принят! – Немолодой мужик в туго натянутой на пузе камуфляжной рубашке тоже попытался отдать честь, но тут же судорожно вцепился в хлипкие, покачивающиеся при каждом движении перильца трибуны. – Честь подать сигнал к началу предоставляется нашему замечательному хозяину... хозяину замечательного пансионата, который предоставил нам свой пансионат... замечательный... в общем, Валентину Афанасьевичу! – Мужик бурно захолопал, из кучки зрителей донеслась пара вялых хлопков. Только рыжая в камуфляже хлопала вовсю, не отрывая восторженных глаз от командира камуфляжников – словно аплодировала именно ему.

– Что я хочу сказать, ребятки... – Новый выступающий и впрямь выглядел эдаким хозяином: солидная приземистая фигура, браслет дорогих часов, стягивающих толстое запястье,

пропыленный льняной пиджак, натянувшийся на еще сильных, но уже обмякших под слоем жирка плечах. – Пансионат у меня и правда замечательный. Да и вы ребята все неплохие: что из патриотического лагеря, что из летней физматшколы. Только поладили не очень, совсем, можно сказать, не поладили. – Он с укором поглядел на пеструю стайку зрителей. – Вот мы и посовещались, что с руководством лагеря... – он кивнул на толстенького «пана головного атамана», – что с преподавателями школы... – кивок на третьего человека на зрительской трибуне – молодого подтянутого мужчину. – И решили, что, если были промеж вас какие «терки», так ведь вы ребята молодые, горячие... приглядитесь друг к другу получше – и задружитесь!

– Кое-кто уже задружился! – протянул «юный гений», бросая быстрый взгляд сперва на застывшего перед трибуной командира, а потом на рыжую в камуфляжном топе.

– Охрименко, заткнись! – вдруг зло прошипел его стильный приятель.

– Чтоб совсем без претензий, решили возместить... то есть наградить... особо отличившихся! Тихонова Екатерина! – выкликнул хозяин пансионата. – За учебу и... хм... активную общественную позицию...

– Что-о?! – Высокая крепкая девчонка, почему-то одетая в тесную и явно слишком детскую футболку с Чебурашкой, аж взвилась. – Это у нее учеба?! Тихонов! Вадька, твоя сестра... – накинулась она на стильного очкарика.

– Завидуй молча, – решительно оборвали ее.

Если остальным ребятам было лет по четырнадцать-пятнадцать, то Екатерина Тихонова оказалась моложе. На брата она походила не слишком – круглолицая, более плотненькая, но так же дорого и стильно одетая. Быстрым, уверенным шагом она направилась к почетной трибуне. Последовало минутное замешательство: девчонка не собиралась лезть на шаткое сооружение, а хозяин – спускаться. Наконец, перегнувшись через перила – трибуна снова заскрипела, – он кинул коробку ей в руки.

– ...награждается мобильным телефоном! – И захлопал. Аплодисменты подхватил «атаман» лагеря – остальные мрачно молчали.

Девчонка тем временем, не смущаясь, ободрала обертку...

– Не поняла! – раздался ее возмущенный голос. – Ваши бандюги отжали у меня iPhone, а вы мне, типа, дарите, обыкновенный Huawei?

Хозяин начал медленно наливать краснотой. Парочка полицейских в новенькой черной форме, замершие в ритуально-караульной позе – ноги на ширине плеч, руки за спиной, – переглянулись.

– А если она заявление подать захочет? – быстрым испуганным шепотом спросила девушка-полицейский.

– Не наше дело. Пусть в отделение идет, – сквозь зубы процедил напарник.

– Начинаем тренировку! Р-разойдись! – заорал головной атаман.

– Ва-а-а! – Камуфляжный строй распался. Поднимая берцами пыль, злорадно ухмыляющиеся парни промчались мимо разглядывающей свой Huawei Катьки. Девчонка фыркнула, сдувая со лба прядь, и направилась к остальным.

– Кать... Что, и правда отжали? – хмуро спросила ее деваха в футболке с Чебурашкой.

– Вчера в городе, – кивнула та.

– Так тебе и надо! – пробурчала деваха, но в голосе ее слышалось смущение и все-таки сочувствие. – После того, что ты нам устроила... – Она с намеком оттянула край слишком маленькой для нее футболки.

– Можно подумать, вы мне устроили меньше, – примирительно пробурчала в ответ Катька.

– Долго нам тут торчать? – тоскливо спросил «юный гений» Охрименко, оглядываясь в поисках хоть клочка тени.

– Пошел! – Четверо камуфляжников сорвались с места. Теперь их лица закрывали плотные маски-балаклавы – только глаза блестели в прорезях, а в руках красовались автоматы. – Бегом-бегом!

Протяжно заскрипели доски – парни в камуфляже лихо пронеслись по переброшенным через провал мосткам. Прыжок! Один швырнул гранату в дверной проем и кувыркнулся следом. Бац-бац-бац! – пули звучно впечатались в выставленную напротив мишень.

– Три попадания из пяти! – Боец забросил автомат за спину и белкой взлетел по канату на гребень стены. – Пошел! – Еще трое кинулись на полосу препятствий, нырнули под низко натянутую сетку, по-пластунски прорываясь к центру. Засевший на гребне самой высокой стены боец прицельными выстрелами пытался отогнать подбирающихся снизу товарищей.

– Евтюхов! Женечка! – Рыжая восторженно скакала – так, что подпрыгивали хвостики завязанного в узел топа и взлетали крылом волосы.

Длинными скачками, будто бежал не по узкой качающейся доске, а по твердой земле, молодой командир пронесся над провалом между стенами. Навстречу ему летел боец с закрытым балаклавой лицом. Столкновение над пропастью казалось неизбежным... Взмах автоматом – дуло-приклад, удар-толчок... противник упал, лишь в последнее мгновение зацепившись за раскачивающуюся доску и повиснув. Евтюхов перепрыгнул через него и помчался дальше, с разбегу перемахнув стену...

– Ну разве не красиво?! – завопила рыжая.

– Спецэффектов не хватает, – откликнулся «юный гений» Охрименко.

– Ну если не хватает... – лениво ответил Вадька Тихонов...

Затрещало. Евтюхов по-жабьи растопырился в дверном проеме – и заорал! Серебристо-золотые искры запрыгали по развалинам, трескучими букетами расцвели на дулах автоматов, пробежали по канату, заставляя карабкающегося на него парня с воплем отпрыгнуть... и исчезли, словно их и не было.

– Тихонов, признаю... – в наступившей тишине шепот «юного гения» был слышен особо отчетливо. – Гений у нас ты.

Громко и отчетливо хихикнула Катька.

– Опять ты! – У перил почетной трибуны возник головной атаман – он в упор уставился на Катьку, потом взгляд метнулся на ее брата: – Ты моих ребят... заминировал?

– Он все время с нами был! Мы прогу писали! – немедленно заорал Охрименко, и тут же согласно закивал торчащий рядом круглолицый кряжистый пацан. – Алексей Владимирович, скажите им! – обернулся он к молодому мужчине на трибуне.

– Хватит врать! – Хозяин пансионата вскочил, трибуна угрожающе качнулась. – Не хочешь по-хорошему, будет по-плохому...

– Вы снова угрожаете моим ученикам? – под громкий скрип досок шагнул к нему бледный от ярости преподаватель. – Я согласился на этот фарс, потому что вы обещали мир и спокойную учебу, а вы снова моих в чем-то обвиняете? То они вам туалет сломали, теперь...

– Что вы их слушаете! – отлепляясь от дверного проема, прохрипел Евтюхов. От балаклав до берцев его покрывала бело-серая пыль. – Понятно же, чья работа... – Он гневно сорвал с себя балаклавку. Прижатые балаклавой волосы распрямились как отпущенные пружинки и встали дыбом вокруг физиономии, делая Евтюхова похожим на несколько сумасшедшее, камуфлированное и вооруженное солнышко.

Грянул хохот. Даже у хозяина вырвался короткий смешок, а оравший на него преподаватель смолк, и уголки губ у него смешливо задрожали. Евтюхов побелел. Схватился за торчащие дыбом волосы, перевел взгляд на улыбающегося со сдержанным торжеством стильного очкарика и...

– Евтюхов! – первым неладное заметил атаман. – Ты что делаешь?! А ну прекра...

Белый... нет, грязно-серый и от пыли, и от унижения Евтюхов вскинул автомат... и... пули полетели в толпу зрителей!

Первая ударила Вадьке Тихонову в грудь. Парня швырнуло назад, и... на его рубашке расцвело алое пятно.

– Вадька-а! – бросилась к нему сестра. Пуля попала ей в спину, алым плеснуло во все стороны, кровавыми брызгами орошая руки и лица остальных ребят. Девчонка покачнулась... замерла... ноги ее подогнулись, она зашаталась и... гневно заорала:

– Идиот! Это же не отстирывается! Ты знаешь, сколько такая футболка стоит!

– Бац-бац-бац! – Евтюхов стрелял.

– А-а-аииии! – девчонки прикрывались от алой краски, кого-то неразорвавшийся шарик ударил по руке, раздался пронзительный крик боли...

– Мочи «физиков»! – заорали парни в балаклавах, и новые красящие снаряды полетели в толпу. – Бей их, побратимы! – Длинный нескладный парень рванул к сложенному под навесом оружию...

– Не трожь это, Лесник! – атаман кинулся к краю трибуны. – Оно же настоя...

Тот, кого называли Лесником, вскинул к плечу трубу гранатомета. Атаман завизжал – тоненько и пронзительно, как попавший в волчью пасть заяц... Лесник нажал курок...

Но бабахнуло секундой раньше! Перила трибуны треснули – будто выстрел! – и...

– А-а-а-а! – растопырившись как жаба, атаман полетел вниз...

Лесник дернулся, труба гранатомета в его руках задралась...

Бабах! – Окутанная огнем и дымом граната вырвалась из дула... и со свистом пошла вверх, сшибая навес...

– Бабах-бах! – Разметанные гранатой доски брызнули во все стороны. Прогнивший деревянный настил подломился, и стрелок вместе с гранатометом ухнул под землю.

Трах-тарарах! Трибуна начала заваливаться набок, как подбитый корабль.

– А-а-а-а! – Зрители посыпались на кучу битой глины и досок... а сверху их накрыло грубо сколоченной платформой.

– Ложись! – заорал Тихонов и, прижимая к себе сестру, рухнул в пыль.

Виииии... Сноп огня расцвел на фоне неба и тут же исчез за облаком пыли, а остовы ветхих стен начали оседать один за другим, словно их сбивал невидимый снайпер. Бах! Бах! Бах! Стенка, на которой еще недавно сидели зрители, осыпалась глиняной трухой, и все стихло. С моря потянуло ветерком, и облако над развалинами медленно и неохотно начало расплзаться.

– Кха! Кха-кха-кха! – Надрывный кашель доносился со всех сторон.

Сквозь пыльную пелену проступили две смутные фигуры, грохнула отброшенная доска... и охранники натужно, как репку из грядки, выдернули хозяина из-под кучи глины.

– Настоящее оружие... с ума сошел?! – упираясь ладонями в колени и тяжело дыша, прохрипел тот.

– Так то ж для выставки, Валентин Афанасьевич! – донесся снизу плачущий голос.

По кивку хозяина охранники принялись разбрасывать доски и обломки глины... из-под завала показался круглый живот. Битая глина зашевелилась, и атаман сел.

– Статья двести шестьдесят третья... – Под ногами захрустели черепки – поддерживая друг друга, прибрела парочка полицейских. – Незаконное хранение оружия... Или незаконный оборот... – уже сомневаясь, пробормотал парень. – Короче, от двух до пяти лет!

– Кажется... – неуверенно пискнула его напарница.

– Какое «незаконное»?! – Атаман вскочил, обрушив лавину глины и пыли. – Побратимы привезли... в подарок!

– И вы решили пострелять из него по детям? – Преподаватель ухватил атамана за грудки... поднять не смог и принялся трясти.

– Кто ж знал, что он заряжен?! – отбрехивался атаман.

– А проверить?! Не судьба?!

– Так это... боязно... оружие все ж таки... – вдруг смутился атаман. – Не трогал никто, сюда только взяли – показать. Если бы Лесник, придурок, не схватился...

– Где этот ненормальный?! – рыкнул хозяин.

Пыль расплзлась совсем. Руины у стен пансионата превратились в холмистый «пяточок», изрытый ямами и усыпанный щебнем, обломками, мелкой щепой, ломаной доской... Вадька Тихонов шарил в пыли, видимо в поисках очков. От его недавней стильности не осталось и следа.

– Повезло, что эту дрянь надели, – оттягивая край пыльной футболки с Чебурашкой, пробормотала крепкая деваха, ее наряженная в такие же полудетские вещи подружка согласно закивала. Зато Катька, разглядывая свои бриджи, всхлипнула.

Парни в балаклавах столпились на другой стороне развалин. Кажется, им очень хотелось убраться самим или, на худой конец, убрать пейнтбольные автоматы, но они не осмеливались. Только Евтюхов прижимал к себе автомат, словно любимого плюшевого мишку.

– Тут, нашли! – Охранники, как две землеройки, закапывались под свежий холмик.

– Пустите меня-а-а-а! – донесся истеричный вопль, и охранники выдернули из-под земли Лесника: грязного, расхристанного и ободранного. – Взяли, менты позорные?!

– Ментов позорных больше нет, – строго сказала полисменша. – Это позорная страница нашего прошлого законч... Ой, а что у него?

Лесник держал под мышкой саквояж. Явно старинный, с защелкивающимся замочком, в ветхом тканом чехле, из-под завязок которого проглядывала сейчас перепрелая, а когда-то наверняка великолепная кожа.

– Ты где это взял? А ну дай...

– Не дам! Это я нашел! – заорал Лесник, вцепляясь в саквояж обеими руками.

Охранники рванули с двух сторон – Лесник с рычанием вцепился в ручку... Саквояж кракнул... прогнившая боковинка отвалилась... и в пыль хлынул сверкающий поток. Осыпанные бриллиантами ордена, колье и броши; как орехи из прорвавшегося пакета, сыпались драгоценные перстни. На кучку глиняных черепков упала сапфировая диадема. Брызжа огнем бриллиантов, переливаясь сапфирово-изумрудной волной, рдея кровавым пламенем рубинов, в пыли лежала груда драгоценностей, самой скромной из которых был отделанный золотом бьювар¹ с жемчужиной в защелке.

Казалось, тишину можно было пощупать руками... и даже отломить кусочек.

Захрустела пыль – хозяин вскарабкался на кучу щебня, заглянул под разбитый в щепу настил. У самых его ног открывался глубокий провал – вдоль стен тянулись остатки старых деревянных полок.

– Дом тут был, а это погреб, – заключил он.

– Дореволюционное. – Преподаватель покрутил брошенный саквояж. – С монограммой. – Он сощурился, разбирая хитрую вязь букв на замочке. – «М», «В»

– Ой! А нам сегодня рассказывали о Мишке Япончике! Ну который Винницкий²... – выпалила Катька. – И про атамана Григорьева³!

¹ Настольная папка для хранения писчей, промокательной бумаги, конвертов.

² Винницкий Михаил Вольфович (1890–1919) – легенда криминальной Одессы, анархист-боевик, «король» уголовного мира. Летом 1919 г. организовал из уголовников полк Красной армии. Расстрелян за дезертирство.

³ Григорьев Никифор Александрович (1885–1919) штабс-капитан армии Российской империи. 1917-й, армия УНР – подполковник, в 1918-м переходит к гетману П. Скоропадскому – полковник, затем к С. Петлюре – «атаман повстанческих войск Херсонщины, Запорожья и Таврии». Февраль 1919-го – на стороне советской власти, комбриг, комдив. Май 1919-го – восстание против большевиков, июль – убит Н. Махно за попытку перейти к белогвардейцам.

– Думаете, в Гражданскую спрятали, а вернуться не смогли? – Ребята столпились у преподавателя за спиной. Кто-то из девочек робко потянулся к диадеме...

– Не трожь! – заорал Лесник, животом плюхаясь на драгоценности и подгребая их под себя. – Мое! Я нашел!

– Здесь моя земля! – рявкнул хозяин. – И что в ней – тоже мое!

– Извиняюсь! – влез атаман. – Мой боец нашел – значит, двадцать пять процентов его! А остальное – государству... на формирование добровольческих батальонов! У нас вон вооружение не закуплено, медикаменты...

– Правда государству? – пискнула девушка-полицейская. – Нам про кладу не рассказывали.

– Не наше дело – кладу! – перебил ее напарник.

– Вот именно! – рявкнул атаман. – Не бойсь, Лесник, мы твои права защитим!

Камуфляжники ответили слаженным гулом.

– Вот вам права! – под нос атаману ткнулась фи́га. – Забыл, на кого работаешь? Взять! – Лающая команда хозяина швырнула его охранников между кучей драгоценностей и претендентами. – Если что, стреляйте – отмажу! – Под прикрытием их спин он опустил на колени, сорвал с себя льняной пиджак и, по-волчьи кося глазом на конкурентов, принялся сгребать в него драгоценности вперемешку со щебнем и желто-черными трупиками то ли ос, то ли пчел... Наскоро обтер руку о штаны – трупики оказались неожиданно липкими...

Нарастающий гул походил на звук идущих в атаку бомбардировщиков. Хозяин отмахнулся от закружившей перед носом пчелы. Пронзительный девчоночий визг заставил его вскинуть голову. Сперва он не понял, что за темная тучка несется над руинами. Острая боль дернула резко и неожиданно. Хозяин с размаху шлепнул себя по шее... с опасливым удивлением глянул на размазанную по ладони пчелу... и вот тогда туча перестала гудеть и буквально взвыла! Боль полыхнула во лбу, в щеке, за ухом. Он принялся лупить себя по лицу, выплясывая в туче пчел.

– Бегом в здание! – закричал преподаватель. Вопящая толпа рванула к пансионату – камуфляжники смешались с учениками летней школы. Впереди мчалась девушка в полицейской форме, лишь изредка отставая от рыжей в камуфляжном топе, последним скакал Евтюхов. Зато Лесник кинулся назад. Будто в воду, нырнул в пчелиную тучу – заорал от боли и... рванул увязанные в пиджак драгоценности к себе.

– Стой! – Хозяин бросился за ним... пчелы полетели следом. – Держи его, парни!

Охранники неуверенно переглянулись... Пчела впиалась одному из них в щеку. Вопя и отмахиваясь, оба сорвались с места. Лесник споткнулся, ноги его разъехались на битой глине... налетевший сзади хозяин прыгнул ему на спину, как обезьяна на дерево, и, не расцепляя «объятий», оба скатились в дыру старого подпола. Пчелиный рой нырнул следом...

Набежавшие охранники сиганули в подпол – вопли, ругань, звуки ударов... Охранники вынырнули из провала и помчались к пансионату. Между ними, ухваченный с двух сторон под мышки, кулем висел хозяин... прижимая к груди сверток с драгоценностями. Следом летел рой, а за ним, вопя и ругаясь, мчался окончательно ополоумевший Лесник.

– Сюда! Скорее!

Двери пансионата распахнулись, охранники ворвались внутрь, а прямо им в спины впечатался Лесник. Все четверо кубарем вкатились в холл пансионата... Лесник кинулся на хозяина, с рычанием выдирая у него из рук сверток.

– Две-е-ерь! – закричал преподаватель.

– Уберите его! – вопил хозяин, извиваясь всем телом в попытках стряхнуть Лесника.

Полицейская парочка навалилась на дверь... Охранники вцепились в Лесника...

Створка захлопнулась, рассекая рой пополам. Охранник дал Леснику в челюсть, и тот растянулся на полу. Оставшиеся снаружи пчелы облепили стеклянную дверь, а попавшие

внутри беспорядочно носились по холлу. Вынырнувшая из-под стойки регистраторша размахнулась журналом и шарахнула по пчеле.

– Бейте их! – Хозяин бросил бесценный узел на столик и принялся отмахиваться от жужжащей вокруг пчелы. Люди метались по холлу, вскрикивая от боли и молотя по пчелам чем попало – кроссовками, вьетнамками, валявшимися на столике газетами... Визжали девочки...

– Прикладом не бей, идиот! – Хозяин схватил за плечо Евтюхова, пытающегося ударом автомата вколотить пчелу в стенку.

Царившее в холле безумие стихало. Измученные люди садились где попало – на пол, на диваны. На лбах и щеках взбухали следы укусов. Катька размахнулась и врезала по затылку продолжающей самозабвенно визжать рыжей. Рыжая икнула... открыла глаза, огляделась... где-то под потолком еще тихонько жужжали недобитые пчелы. Кусаться они уже не думали. Визг сменился тихими всхлипываниями.

– Нужно антигистаминное! – скомандовал преподаватель.

– У меня в кабинете... – начал хозяин... и вдруг метнулся к столику. Зашарил руками по столешнице, словно надеялся, что сверток с сокровищами не пропал, а просто стал невидимым и сейчас он его нащупает. – Где?! Где... мой... клад?!

– Так, может, это... – в наступившей тишине пробормотал кто-то. – Пчелы уволокли?

Глава 1

Дети – в школу!

Несколькими днями ранее

– Черти б вас уволокли!
– Прекрати истерику! Ты мужик или кто? Сейчас мы спокойно во всем разберемся...
– Сейчас я спокойно... кой-кого убью! Нет, сперва вскрою эту дверь, а уже потом...
– Тебе что, больше всех надо, чтоб я в эту школу тащилась? – донесся из-за двери злой девчоночий голос – и такое же злое гусиное шипение.

– Плевать мне с высокой горки, поедешь ты или нет, – я в туалет хочу! – Он дернул ручку. В квартире Тихоновых, где в маленькой комнатке жил сам Вадька, а в другой, побольше, – мама и сестрица Катька, запереться можно было только за одной-единственной дверью. – Выходи немедленно!

– Вадим! Еще раз стукнешь по двери... и сам никуда не поедешь! – Вадькина мама провела ладонью по мокрому лбу.

– Я, значит, полгода впахивал, мановскую⁴ работу писал, второе место по области... А когда я – я! – получаю путевку в летнюю школу, ты говоришь, что я никуда не еду, потому что моя сестра заперлась в туалете?!

– Ты хочешь оставить сестру без отдыха?

– Какой отдых! Там учатся! Три лекции в день, профессура из университета!

– В пансионате с бассейном и пляжем? Не смейся! Ну поучитесь чуть-чуть с утра, а потом – море, фрукты... Дети должны оздоравливаться. Если уж с Бердянском так неудачно получилось...

«Неудачно» – это, конечно, мама подобрала... гм, удачное слово. В Бердянске им всего-навсего пришлось обезвреживать бомбы в аквапарке⁵... и случилось именно то, чего боялись и Вадька, и засевшая сейчас в туалете Катька, и их друзья-компаньоны из детективного агентства «Белый гусь». Мама их застучала! К общему счастью сыщиков, Надежда Петровна узнала лишь крохотную долю правды о своих детях... но и этого хватило, чтоб отбить охоту говорить родителям эту самую правду!

– Надо было взять деньги у хозяина аквапарка... – пробормотал Вадька. На самом деле деньги от владельца аквапарка давно уже лежали на счетах – Севка, главный финансист агентства, никогда бы не позволил подвигу остаться неоплаченным. Но легенду поддерживать надо. – Не пришлось бы в районо пороги обивать: Дайте моей дочечке путевочку в лагерь...» В который она не хочет ехать!

– Ты говоришь, будто я... попрошайка! – Губы у мамы задрожали.

– Мам... ну ты чего... – беспомощно начал Вадька. Работа в детективном агентстве научила его шефа и главного спеца по компьютерным преступлениям понимать людей... но маму он не понимал! Почему взять две тысячи евро за спасение аквапарка, который стоит миллионы, стыдно, а таскаться по кабинетам, выпрашивая путевку за двести баксов, – нет?

– Значит, у олигарха поганого... аквапарщика, взять подачку не стыдно? А достать для твоей сестры государственную путевку, которая, между прочим, из моих налогов оплачивается, стыдно?

⁴ Малая академия наук, существующая еще с советских времен форма научно-исследовательской работы школьников под руководством как школьных учителей, так и университетских преподавателей. Включает лекции, контрольные работы и написание и защиту школьниками исследовательских работ в различных областях знаний.

⁵ И. Вольтинская, К. Кашеев. «Конец света отменяется». – Эксмо, 2013.

Точно, не поймет. Никогда.

– Я же для вас... – захлебнулась слезами мама. – Уж простите – не миллионерша! Не могу ни юбочки-кофточки Катюшке покупать, как у ваших подружек, ни на Шри-Ланку вас свозить...

Все понятно. Рыжих близняшек и тоже сыщиц агентства Аллу и Эллу Косинских (друзьям известных как Мурка и Кисонька) их мама везла на Шри-Ланку. Вадька предвкушал, как круто будет выглядеть бронзовый загар при Муркиных рыжих волосах... только вот его собственную маму накрыл приступ самоедства: «Я детям недодаю!»

– Мы не хотим на Шри-Ланку, честно!

– Я просто в эту их школу не хочу! – Задвижка туалета щелкнула, и в приоткрывшуюся дверь высунулась зареванная Катька. – Что мне там делать?

– Вот именно! Что математической бездари делать в летней физико-математической школе? – отрезал Вадька. И тихо добавил: – И в моем лицее вообще.

– Опять я не то сделала? Думаете, я не понимаю? Тебе приходится заботиться и обо мне, и о сестре, подрабатывать, с этими твоими сайтами, тестированием... я в твоём возрасте ещё с подружками гуляла и ни про какие подработки не думала! Но что же делать – время другое, кризис опять, и зарплату у нас в поликлинике вчера не дали. Вот я и кручусь как могу! Не Шри-Ланка – так хоть Одесса, все-таки море... – Мама уткнулась лицом в ладони и тяжело, некрасиво разрыдалась. – Я ж не на себя трачу, чтоб в «Шанели» одеваться... Хожу в линялых тряпках... – Она дернула себя за рукав льняной блузы от Versace. – Только чтобы вам...

Из ванной высунулся ярко-красный клюв, а потом и вся голова крупного белого гуся со сложным именем Евлампий Харлампиевич. Гусь запрокинул голову, чтоб видеть Катюкино лицо, и вопросительно гоготнул.

– Я уже не успею вещи собрать... – с тоской пробормотала Катька.

– Я все собрала! – Все ещё всхлипывая, мама выволокла из комнаты туго набитую сумку на колесиках. – Тут для тебя сюрприз! От меня! – Мама лукаво склонила голову к плечу. – Ходишь вечно в каких-то невразумительных джинсах с футболками, а девочка должна красиво одеваться, там же и дискотеки наверняка будут.

– Автобус через пятнадцать минут отходит, – процедил Вадька.

– На такси поедете! – Надежда Петровна схватила сумочку от Gucci и вытряхнула из пустого кошелька последнюю купюру.

– Мам, у нас есть деньги! – дружно запротестовали брат с сестрой.

– Не выдумывай! – отмахнулась мама, наскоро всовывая ноги в мокасины Prada. – Позвоните как доедете! И не волнуйся, Катюнь, мы с Евлампием Харлампиевичем тут будем жить душа в душу – правда, Харли? Все, я побежала, а то уволят. – Дверь захлопнулась.

Катька с тяжким вздохом полезла в собственную сумку, заменила оставленную мамой купюру на две более мелкие и направилась к забитому вещами скрипучему гардеробу. Ну и куда сунуть – в любимые мамины брюки Marks&Spencer или в заляпанный кухонным жиром халат? В брюки правдоподобнее, но если мама не найдет деньги сегодня, завтра ей хлеба не на что будет купить, – значит, в халат.

– Сейчас приедут, – холодно сказал Вадька. – Руководителю я тоже позвонил, нас ждут.

– Помочь не хочешь? – Катька зло уставилась на сумку.

– Совершенно не хочу, – буркнул Вадька, закидывая рюкзак на плечо.

Катька появилась минут через пять, когда такси уже въезжало в арку старого двора.

– Я понимаю, почему ты с Муркой встречаешься! За ней не надо сумки носить! Наша Леди-Дракон и тебя в случае чего на ручках унесет.

Вадька ответил сестре непроницаемым взглядом из-за затененных стекол очков. Брат и сестра молча тряслись на заднем сиденье. Первой не выдержала Катька:

– Я не виновата, что мама все это затеяла, что у нее денег нет, а у нас есть, но мы не можем ей об этом сказать. Что даже дорогие вещи мы покупаем ей тайком и выдаем за подделку. Не виновата, что она засунула меня в твой лицей, – я не хотела!

Такси затормозило у ажурных ворот лицея. Пестрая толпа вокруг поджидающего автобуса весело вскипела.

– Народ, грузимся! Тихонов приехал! – проорал кто-то.

– И сестричку с собой привез, – услышала вылетающая из такси Катька злой девчоночий голос.

– Все наши хотели поехать в эту летнюю школу, – нагибаясь над багажником такси, наконец соизволил ответить Вадька. – А путевок хватило не всем. Догадываешься, из-за кого?

– Я не просила! – Катька схватила сумку и помчалась к автобусу. Не хочет она рядом с Вадькой сидеть! Одно место было в самом конце салона...

– Занято. – Рослая девчонка, кажется из Вадькиного класса, плюхнула на свободное место кулек с продуктами.

– А кто здесь сидит? – удивилась Катька: вроде все уже в автобусе.

– Моя сумка. Иди отсюда... сестра своего брата.

Катьке показалось, будто ей врезали под дых. Ее взяли за плечо:

– Пойдем, я места занял. – Вадька обернулся на сестру и одними губами шепнул: – Больше не проси тебе программу проверить. – И потащил Катьку обратно по проходу. – Если бы ты нормально училась, – устало пробормотал он, умачиваясь в кресле, – чтоб ребята не спрашивали, как ты вообще к нам попала!

– Ладно, ты у нас гений, а я математическая бездарность! А ничего, что на свете кроме математики и программирования еще предметы есть? Я в наш химико-биологический хочу!

– Мы об этом уже говорили. У нас ты за полцены учишься, потому что ты «второй ребенок в лицее», а там надо полную сумму платить. Мама не сможет...

– Я сама заплачу!

– И как ты объяснишь это маме? – совсем уж душераздирающе зевнул Вадька. – Нам нельзя светить, что мы сами зарабатываем, пока мне не исполнится восемнадцать! Или ты всерьез думаешь, что, если мама узнает, нам дадут сохранить агентство?

– Мы можем сделать вид, что я выиграла конкурс и за меня платит какой-нибудь фонд...

– Фонд, типа, уже платит за меня. Мама не поверит в такое количество фондов – и все жаждут облагодетельствовать именно ее детей! Слушай, мелкая, это ты перед большим скандалом выпалась, а я работал всю ночь. Дай хоть сейчас поспать... – И, не дожидаясь ответа, засопел.

Почему Вадька делает что считает нужным, а она – что считают нужным мама и Вадька? Невидящими глазами Катька глядела в стекло на проплывающие мимо улицы, вскоре сменившиеся прямоугольниками полей, и слезы одна за другой скатывались по ее щекам.

Глава 2

Катькино место

– Технически бассейн есть. И собственный пляж тоже, – сказал Олег Федорчук из параллельного класса.

– Технически... – согласился Вадька. Техники и впрямь было предостаточно. Рядом с ямой бассейна стояла бетономешалка. Вдалеке сверкала полоска моря – и на его фоне скелетами механических динозавров рисовались два экскаватора. По стопкам бетонных плит у воды было не понять, есть под ними вообще песок или нет. Зато во дворе пансионата песка оказалось предостаточно – крупного, зернистого строительного песка, моментально набившегося в сандалии. Возвышающийся впереди корпус пансионата выглядел неплохо: темно-красная крыша металлочерепицы, новехонькие стеклопакеты...

– Может, и внутри все в порядке? – пробурчал Ярик Охрименко, такой же худой и очкастый, как и Вадька, только встрепанный и небрежно одетый, – приятель и вечный соперник в борьбе за звание компьютерного гения.

– Так сильно нам не повезет. – Настя Яровая два года была старостой Вадькиного класса, а оптимизм и вера в лучшее сдохли в ней после полугода на этой должности. – Парни, тащите вещи в холл, а я узнаю, куда нам.

– А как же европейские ценности и равные права для парней и девушек? – пробурчал Ярик. – Например, равное право чемоданы таскать.

– А как же мужское превосходство? – парировала Настина подружка Оля.

– Оно у нас умственное, – встрял Олег, но спорить уже было не с кем: хрустя кроссовками по песку, Оля рванула за Настей. – Нечего возразить, так сразу сматываться? – торжествующе проорал ей вслед Олег и... пошел разгружать багажник.

Навьюченный сумками, Вадька продрался сквозь турникет на входе. Из полумрака холла донесся тихий смех... и живым огнем блеснули рыжие волосы.

– Мурка? – покачиваясь под тяжестью чемоданов, изумленно шепнул Вадька. Рыжая девчонка в шортиках и таком же, как у Мурки, зеленом камуфляжном топе оглянулась, и Вадька увидел совсем незнакомое тонкое личико с большими ярко-голубыми глазами и смешливыми ямочками на щеках. Да и волосы были светлее, чем у Мурки, и мелко вились, так что девчонка походила на растрепанный цветок.

– Привет! Лицей информационных технологий – это вы?

– Я, – сознался Вадька, мельком поглядывая на ее тронутые загаром ноги, и тут же торопливо отвел глаза. – Но не весь.

Девчонка посмотрела на него изумленно и принялась обходить по кругу – Вадька только и мог, что поворачивать голову, следя за ней взглядом.

– Не могу понять, чего не хватает. По-моему, ты все-таки весь! По-моему, тебя даже больше, чем положено, – девчонка кивнула на чемоданы.

– Не весь лицей, – пояснил Вадька. – Я. Я – не весь лицей.

– А-а-а! – восторженно протянула она. – Когда будешь тут весь – лицей, а не ты, – заселяйтесь на пятый этаж. Остальное уже занято. Хочешь, оставь пару сумок, я присмотрю, потом за ними вернешься. Или пусть хозяева сами заберут.

– Это девчонок наших сумки. Ничего, я донесу.

– Какие у вас в лицее рыцари! – улыбнулась девчонка, и ямочки стали еще заметнее. – Это у вас все такие или только весь ты?

– Я пойду, – смущенный Вадька шагнул к дверям лифта. И вдруг осмелев, выпалил: – Если понадобится, ты знаешь, где меня искать – на пятом этаже!

– Если понадобится... чемоданы затащить, то обязательно, – серьезно ответила девчонка.

Катька проводила шагнувшего в кабинку брата долгим подозрительным взглядом. Чего это он с какой-то посторонней девчонкой... хотя да, рыжая и в камуфляжном топе. Небось сослепу за Мурку принял.

На пятом этаже тянулся обычный для пансионатов коридор со множеством дверей – все нараспашку, а между ними шло, как сказал бы Вадька, «броуновское движение».

– Кто видел мою сумку? Народ, сумка где?

– Я с Лизкой, мое место не занимать!

– Я тоже хочу с девчонками!

– Жаров, ты не можешь с девчонками – ты парень!

– Но хотеть-то я могу?

– Можешь... огрести сумкой по башке. И огрешь, как только я ее найду. Люди, ну кто видел?

Пытаясь разобрать груды багажа, метался приехавший вместе с ними молодой препод по программированию. Кажется, его не очень волновало, где чья сумка, – лишь бы каждому досталось по одной.

– Это, кажется, ваше! – Словно почуяв пробирающуюся у него за спиной Катьку, программист сунул ей рюкзак.

– Моя вот, это Вадькин, – попыталась оттолкнуть рюкзак Катька.

– Ничего, главное – чтоб в коридоре не валялась. Мальчики – слева по коридору, девочки – справа! – Программист уже пытался сунуть кому-то из парней гламурный чемоданчик со стразами на уголках. Парни отшатывались, будто боялись, что чемоданчик взорвется.

– Зараза, чего ж ты сюда понапихал! – Внутри Вадькиного рюкзака что-то металлически лязгнуло, Катьку под тяжестью выгнуло дугой. С двумя сумками ввалилась в ближайшую дверь. Друзей тут у нее все равно нет, сгодится любая свободная кровать. Устраивающаяся на соседней койке Настя Яровая вылетела в коридор.

– Вальцева! Дашка! – разнесся над коридором ее звонкий голос. – Давай к нам! У нас свободное место есть! – Через мгновение она вернулась в компании миниатюрной блондинки. – Видишь, Тихонова. У нас все занято.

– Я первая пришла, – угрюмо пробурчала Катька.

– А я еще раньше приходила... аж два раза, – отрезала вновь прибывшая и, не вдаваясь в долгие споры, метнула свою сумку на свободную кровать.

Катька возмущенно хмыкнула и вышла. Гордо поднятой голове здорово мешала согнутая под тяжестью сумок спина. В следующей комнате ее встретили невинные взгляды и безапелляционное «У нас все занято!». Еще в одной конкурентка чуть не сшибла Катьку в дверях и плюхнулась на незанятую кровать. Причем это была та же самая блондинка Дашка, что и в первой комнате!

– Ты же с Яровой! – возмутилась Катька.

– Передумала, – хмыкнула Дашка.

– Ладно, значит, я пойду туда.

– Тогда я снова передумую! – донеслось вслед, а торчащая на другом конце коридора Настя презрительно ухмыльнулась: типа, ну и что ты сделаешь?

Катька подавила панику. Чего она делать точно не собиралась, так это бегать из комнаты в комнату, давая этим великовозрастным козам возможность поразвлечься! Она им не малолетка – она сыщица детективного агентства! Что бы на ее месте сделала Мурка? Набила бы ближайшую накрашенную морду и все дальнейшие морды тоже, но у Катьки так не полу-

чится. За Кисоньку давно бы вступились все местные парни... которые Катьку и за девчонку не считают... Ха! А парни – это мысль!

Три пары глаз изумленно воззрились на нее, когда Катька свалила сумки рядом со свободной, кроватью и с блаженным вздохом вытянулась поверх покрывала.

– Это чего такое? – обалдело спросили у нее над головой.

– Тихонова сестра, – раздалось в ответ.

– Это которая тупая? А чего она сюда приперлась? Эй, ты! – Над Катькой нависла голова. – Тебе сюда нельзя: понимаешь, нет?

– Не-а. Я тупая.

– Оно и видно! Здесь парни!

– Я тупая, а не глухая, – любезно сообщила Катька. – А больше негде, у девчонок все занято.

– Ты ненормальная! Ты понимаешь, что здесь ты жить не можешь?

– Это в коридоре я жить не могу – там спать не на чем. А здесь запросто. Будете выходить, когда я переодеваюсь.

– Что ты с ней наговариваешься, сейчас мы ее просто выкинем... – Крепкая рука ухватила Катьку за плечо.

– Я буду орать и сопротивляться, – педантично заявила Катька... и, обеими руками вцепившись в спинку кровати, пронзительно заорала: – Ой, мальчишки, не нада-а-а!

Парней унесло.

– Чего такое? – Размахивающий толстой тетрадь препода ворвался в комнату. – Даже если опять сумки перепутали, чего орать? Найдем и поменяем!

– Она комнату перепутала! – один из парней гневно ткнул пальцем в Катьку.

– Я же сказал: комнаты девочек – напротив, – раздраженно бросил программист Катьке.

– Там все занято, – сообщила Катька ему в спину. – Мне так старшие девочки сказали.

– Скажи девочкам... А, ладно, пошли... – Он махнул рукой, Катька вскочила и, волоча Вадькин рюкзак по полу, заковыляла за ним. Вслед ей донесся дружный облегченный вздох.

Вспугнутые Катькиным воплем, обитатели пятого этажа толпились в коридоре. Девчонки хихикали, на лицах парней рисовалось нездоровое оживление. Катька завертела головой, ожидая, что сейчас сквозь толпу к ней протиснется злющий Вадька... Брата не было. Странно.

– Девочки, где свободное место? – требовательно спросил программист.

– Для этой – нигде, – насупилась Настя.

– Яровая! – программист звучно захлопнул тетрадку. – Что за дедовщина?

– Бабовщина... – тихонько фыркнули у него за спиной.

– Нашли одну-единственную младшую и взяли ее изводить? Ты с кем поселилась, Яровая?

– С Олей и Дашей.

– Значит, она будет вместо Даши.

– Алексей Владимирович, почему?! – завопила вся троица девчонок.

– Потому что для своей подружки ты место точно найдешь, – отрезал учитель. – Проходи! – И кинув на девчонок предостерегающий взгляд, направился дальше по коридору.

Скребя сумками по полу, Катька потащилась внутрь. Все получилось совсем не так весело, как она рассчитывала.

– Ну знаешь, Настя! – Злющая Даша сгребла сумку в охапку. – Лучше я с кем-то другим...

– Даш, погоди!

Но дверь захлопнулась. Оля и Настя поглядели друг на друга, а потом уставились на Катю так, что та невольно попятилась, прикидывая, получится ли у нее коронный Кисонькин удар ногой в голову – девчонки-то выше ее! Может, лучше им сумку под ноги кинуть?

– Везде она! И в лицее, и в школе... и даже в комнате теперь она! – процедила Настя.

– Коррупционерка мелкая! – с другой стороны возникла Оля. – То братец для нее расстарается, теперь вот препода припахала...

– Никто для меня... – начала Катю и... осеклась.

– Никто? А почему мою младшую сестру с такими же оценками, как у тебя, отчислили, а тебя – нет? – Взгляд у Насти был совсем нехороший.

– Не потому ли, что у тебя братец гений? – в другое ухо прошипела Оля.

– А у моей мелкой староста всего лишь сестра? – подхватила Настя. – Мамаша твоя тоже приходила, за Катеньку очень просила.

Катю растерялась. Была в параллельном классе какая-то Яровая... Ее что, отчислили?

– А ведь моя сестра хотела у нас учиться! Если бы не ты, ее бы не отчислили, а за год она бы выправилась! – почти выкрикнула Настя Катю в лицо.

Катю плюхнулась задом на кровать. Она говорила и маме, и Вадьке – но они не послушались, а расплачиваться теперь ей! И даже разозлиться на Настю уже не получается, потому что староста в чем-то права.

– Все, сестра своего брата, ты сама сюда пришла, теперь ты труп! И твой Вадька тебе не поможет!

– Не очень-то он рвется ей помогать – наверняка самому эта дурочка надоела! – хмыкнула Оля.

Катю отползла по кровати – две старшеклассницы... и программист больше на крик не прибежит! И Вадьки нет...

– Вадька! – заорали в коридоре. – Алексей Владимирович, там Тихонов... его в заложники взяли... или арестовали...

– Как... арестовали?! Где?!

– Так в туалете!

Катю выпустила из рук Вадькин рюкзак... и тот всей тяжестью шлепнулся Насте на ногу. Не обращая внимания на взывшую от боли девчонку, Катю вихрем вылетела за дверь и припустила в конец коридора, где столпились мальчишки.

– Тихонова... Стой! – за спиной топал программист, но Катю и не думала оборачиваться. Штопором ввинтившись в толпу, она рванула дверь туалета.

Подняв руки, Вадька стоял у стены, а из ближайшей кабинки на него глядело темное оружейное дуло.

Глава 3

Гоп-стоп, англичанин!

– Стоять! Руки! – Винтовочное дуло глядело ему точно в лоб.

– Ты гля, хлопцы, какой фраер на нас набежал – прям как с картинки! – Тьма дрогнула, выпуская из своих глубин тощего хлыща. Поверх расшитой петухами косоворотки на плечи хлыща была накинута роскошная бобровая шуба. – И где ж ты такой шикарный прятался? – Хлыщ обошел жертву по кругу – подол шубы волочился по грязной брусчатке.

– Нас дожидался! – хмыкнули из темноты, и на эту немудрящую шутку мрак ответил многоголосым гоготом.

Замерший в плотном кольце налетчиков, юноша лет шестнадцати и впрямь казался пришельцем из давно забытой жизни – шевиотовая визитка⁶ поверх темного жилета, зато схваченный тугим галстуком воротничок выделялся во мраке полоской яркой белизны. Юноша жалко и беспомощно прищурился – увидеть кого-либо, кроме обладателя роскошной шубы, ему не удавалось: густой и плотный, как сапожная вакса, мрак покрывал улицы. Последние, самые стойкие фонари погибли еще в декабре 18-го, когда корабли Антанты били по городу, а когда закончились запасы угля, электричество исчезло вовсе. Налетчики виделись темными бесформенными силуэтами. Впрочем, что оружие есть у каждого, юноша не сомневался – после пяти вечера на улицах не вооружены только уже обобранные трупы тех, кто не успел вытащить оружие вовремя. И кажется, сейчас он пополнит их число. А ведь он уже почти добрался!

– Чего ж тебя на улицу понесло, фраерок? Сидел бы и дальше где сидел – глядишь, живой бы остался, – с некоторым даже сочувствием сообщил обладатель роскошной шубы. – Ну чё уж, раз вылез, такой красивый... – Он еще раз окинул юношу взглядом – от уложенных волос до лаковых штиблет. – Так может, у тебя и закурить найдется? – ехидно поинтересовался он, на что темнота ответила новым гоготом.

Юноша кивнул и... потянулся к отвороту визитки.

– А ну стой! – Держащая юношу на прицеле винтовка недвусмысленно дернулась. Юноша замер с рукой за бортом визитки. – За шпалером⁷ полез? – зло процедил «шуба». – Слышь, Петро... прибери чего у него там...

Из мрака вынырнул еще один налетчик – в котелке и пальто из дорогой английской шерсти. Один с винтовкой, еще один за спиной – лязг передернутого затвора юноша слышал отчетливо, «шуба», этот, в котелке... Четверо? Или все-таки пятеро?

Пальцы с черной каймой под ногтями залезли юноше за пазуху...

– Портсигар! – Небритая физиономия налетчика расплылась в улыбке, открывая редкие, как сломанный забор, зубы. – И впрямь сигареткой угощает! Надеется небось, что живым отпустим.

– Коли угощают, грех отказываться. Налетай, братва!

Из темноты потянулись руки... и даже направленная на юношу винтовка чуть дрогнула... «Шуба» подцепил ногтем крышку портсигара...

– Чего тугая такая...

Пружинка едва слышно клацнула...

Юноша метнулся в сторону. Яркий, до рези в глазах огненный цветок раскрылся между ладонями «шубы», на миг выхватив из мрака его изумленное лицо с обвисшими усиками,

⁶ Род сюртука на одной пуговице, обычно темно-серого цвета, после Первой мировой войны стала парадной одеждой.

⁷ Пистолет или револьвер (*сленг*).

желтые зубы «котелка», рябую физиономию того, что с винтовкой... Налетчиков было не пятеро, а шестеро, но это уже не имело значения – громынуло! Пламя вздулось огненным пузырем, наполняя улочку криками боли и отборным матом. Наматывая грязь и кровь на густой мех, «шуба» катался по мостовой, прижимая к груди искалеченную руку. Смотреть, что случилось с остальными, юноша не стал – он уже несся к выходу из переулочка...

– Стой, гаденыш! Убью! – заорали сзади. Это заманчивое обещание почему-то не заставило юношу остановиться – он только припустил быстрее. Навстречу из темноты топотали чьи-то шаги и бряцало оружие. Юноша заметался...

– Попался! На куски порву! – подбежавший налетчик успел вскинуть пистолет... грохнул выстрел.

Глаза налетчика безумно выпучились... и он ткнулся носом в брусчатку.

– Bravo, Hubert!⁸ – крикнул солдат во французском мундире другому, с лицом настолько черным, что если бы не яркие белки глаз, он бы и вовсе затерялся во мраке. Чернокожий улыбнулся, сверкнув зубами, и побежал дальше, а следом за ним еще четверо солдат. И только командующий патрулем капрал остановился рядом с устало привалившимся к афишной тумбе юношей. – Comment vous sentez-vous, monsieur? – Француз окинул быстрым взглядом хоть и испачканную, но все еще элегантною визитку юноши. – Pouvez-vous marcher bien?⁹

– Tout va bien, merci!¹⁰... – Юноша отвел глаза от африканца, хладнокровно вонзающего штык в пытающегося уползти «шубу».

– На, Anglais!¹¹ – вмиг разобрав акцент, ухмыльнулся капрал.

– You are just in time, sarogal!¹² – и увидев, как напряженно сморщился его неожиданный спаситель, вернулся к французскому: – Не ожидал наткнуться на бандитов во французской зоне.

– Твари наглеют, мсье, – скривился француз. – Только наш патруль уже приканчивает третью банду. Хотя их можно понять: вряд ли за Дерibasовской осталось чем поживиться. Куда направляетесь?

– В гостиницу «Лондонская».

– Юбер! Никола! Проводите мсье до Николаевского бульвара!¹³ Не хотелось бы, чтоб с представителем союзников что-нибудь еще случилось во французской зоне. – Капрал коротко отсалютовал юноше.

Держась на расстоянии вытянутой руки – свирепствующие в городе холера и сыпной тиф не слишком располагали к сближению, – трое шли по погруженным во мрак улицам, и эхо их шагов отражалось от стен особняков. Город можно было принять за вымерший, если бы не едва различимое мерцание окон и слабое дуновение музыки – здесь, за зашторенными стеклами, остерегаясь выплескиваться на принадлежащие налетчикам улицы, по-прежнему кипела жизнь: шуршали карты по ломберным столам, выплясывали девицы на сценах кафешантанов, терзали расстроенные пианино таперы в синема, а на сцене великой Оперы поху-девшая от постоянного недоедания дива трогательно пела о вечной любви.

Вдалеке хлопнул выстрел.

– Помогите! Убива-ают! – пронзительно закричала женщина.

Француз дернулся, но чернокожий Юбер отрицательно помотал головой:

⁸ – Bravo, Юбер! (фр.)

⁹ Как вы себя чувствуете? Идти можете?

¹⁰ – Все в порядке, спасибо...

¹¹ – Ха, англичанин! (фр.)

¹² – Вы очень вовремя, капрал! (англ.)

¹³ Ныне Приморский бульвар.

– Вчера Поль вот так побежать – и не вернуться! Налетчик велеть женщина кричать – заманивать.

– Беда в том, что мы не знаем: заманивала она или мы бросили несчастную погибать, – ответил юноша, направляясь к слабо мерцающей окнами громаде гостиницы.

– Помогите, помогите! – не унималась женщина и наконец смолкла: то ли устала... то ли умерла.

– Франки, николаевские рубли, керенки, украинские карбованцы... – От входа отделилась фигура. – Фунты стерлингов и деникинские беру по отличному курсу, по всей Одессе лучше не найдете!

– *Va-t-en!*¹⁴ – рявкнул Николая. – Не гуляйте больше ночью, мсье англичанин, в следующий раз мы можем и не подоспеть!

– Месье слишком молодой умирать. – Африканец белозубо ухмыльнулся, оба солдата коротко салютнули и направились прочь, держа винтовки на изготовку.

– *Merci bien!*¹⁵ – вслед им крикнул юноша и потянул на себя тяжелую дверь.

Свет керосиновых ламп, еще два года назад показавшийся бы тусклым и убогим, слепил после сплошной темноты улиц. Смесь запахов кофе, дорогого табака, дамских духов и еды, обильной, без ограничений и пайков, ударил в нос, изгоняя привычную вонь нечищенной канавы. Навстречу шагнул швейцар – солидный, с уцелевшими от прежних времен золотыми галунами на форме и армейской выправкой. Встречать и провожать гостей за двери «Лондонской» он более не решался. Могут подстрелить.

– *Good evening, master Jeremy!* – на тяжеловесном, но понятном английском поздоровался тот. – *Glad to see you again!*¹⁶

– Здравствуй, Потап Ифанович, – на столь же тяжеловесном, но тоже понятном русском ответил юноша. – Что Михаил Васильевич?

– Прибыли, ждут-с!

Юноша благодарно кивнул и, на ходу пытаясь отряхнуть платком грязь с визитки, взбежал по застеленной алым сукном лестнице. Зал «Лондонской» сверкал, юноша замер на пороге, чувствуя, как во рту становится сухо. Его, Джереми, тринадцатилетие... как раз перед их с отцом отъездом в Россию. Когда это не мешало ни его собственной выгоде, ни бабушкиной светской жизни, дед вспоминал о традициях своего народа – на тринадцатилетие внука он устроил роскошный праздник в доме на Парк Лейн. Так же негромко наигрывал оркестр, сияли драгоценности дам, так же респектабельны и сановны были мужчины...

Не так же. На степенно проплывшей мимо даме сверкало алмазное кольцо, но кружевной палантин носил следы неумелой, хотя и старательной штопки. Мундир сопровождающего ее пехотного капитана был аккуратно залатан на груди, и, судя по размеру и форме, заплатка прикрывала дыру от пули. То ли капитан оправился после тяжелого ранения, то ли... снял мундир с убитого. И капитан ли он вообще, а может, один из людей Мишки Япончика и дама в штопаном палантине вот-вот лишится и кольцо, и серег? И никакого детства нет. Ни дома на Парк Лейн, ни деда... иначе начнешь вспоминать, как дед не хотел, чтоб они ехали, но у отца был приказ и долг, дед просил его оставить хотя бы внука, а отец смеялся и говорил, что Джереми полезно побывать на родине предков. Есть только этот темный город, этот отель и эти люди. Джереми двинулся сквозь толпу.

– ...Шестьдесят рублей, мил-сдарь, пошлейшая тощая курица, синяя, как лютик по весне! Это при жалованье в двести-триста рублей, каковое и неплачено уже с месяц. Заводы, извольте ли видеть, не работают... Непайковый хлеб – четыре рубля за фунт, а очереди за

¹⁴ – Пошел вон! (*фр.*)

¹⁵ – Большое спасибо! (*фр.*)

¹⁶ – Добрый вечер, мастер Джереми! Рад видеть вас снова (*англ.*).

пайковым хлебом стоят третий день – и безрезультатно! – Господин в ветхом мундире железнодорожного ведомства опрокинул в рот стопку водки и зажевал балыком. – И балык несвежий... Когда это в «Лондонской» был несвежий балык? А вы удивляетесь, почему бастуют! – Порроть! – пьяно пробормотал его собеседник. – Всех! И никаких... бастовок... за-ба-сто-вок!

Джереми ловко обогнул очередную группку, пробираясь к компании из трех мужчин – одного статского и двух генералов, в российской и во французской форме.

– Михаил Васильевич!

Штатский обернулся – и расплылся в улыбке:

– О, мистер Лернер! Душевно рад! Знакомьтесь, господа! – Он перешел на французский. – Сын Джорджа Лернера, того самого английского инженера, что в шестнадцатом году прибыл на «Анатру»¹⁷... когда были планы на английские самолеты, помните? Впрочем, откуда бы – вас тогда тут не было, господа. Увы, революция превратила все планы в несбыточные прожекты, а потом и сам мистер Лернер-старший погиб.

– Сочувствую вашей потере, – чуть склонил голову француз.

– Благодарю, – кивнул Джереми. Он искренне ненавидел сочувствующих. Они мешали делать вид, что отца... просто нет здесь. Джереми один, но... если сумеет добраться до Англии, то там его встретит не только дед, но и отец.

– Юный Джереми и сам разбирается в авиационной инженерии – он весьма способствовал нам в использовании аэропланов Анатры для почтовых сообщений, – выразительно играя лохматыми бровями, продолжал Михаил Васильевич.

– Ценный талант, особенно теперь, когда сам Артур Анатольевич Анатра улететь изволил, – пробурчал русский генерал. – Собственный аэроплан – машинка зело полезная.

– Сей скептик – генерал-лейтенант Шварц¹⁸, тоже из инженерной братии. А это... думаю, и сами догадываетесь... властитель наших жизней и судеб, командующий французских войск Антанты в Одессе, его превосходительство генерал д'Ансельм!

– Право же, господин Брайкевич¹⁹, вы преувеличиваете! – француз кивнул Джереми. – Чем я могу быть вам полезен?

– Я хотел бы вернуться в Британию. Английские корабли покинули рейд прежде, чем я успел к ним присоединиться... – волнуясь, начал Джереми.

– Все покидают город, – снова процедил Шварц. – Поветрие...

– Нет ни малейших оснований для беспокойства, Одесса под защитой французских войск, – обронил француз. – Мы выступаем в тесном союзе с Добровольческой армией генерала Деникина, а также ведем переговоры с Петлюрой...

– Один из атаманов которого, Григорьев, переходит на сторону красных и сейчас контролирует все железнодорожные пути к городу, – желчно бросил Шварц. – Кажется, он обещал натянуть вашу кожу на барабан, если французы не покинут город, да, ваше превосходительство?

– Можно ли обращать внимание на бахвальство шута? – хмыкнул д'Ансельм. – По донесениям вашей же разведки, атаман Григорьев пьет и слушает полковой оркестр.

¹⁷ Третий по мощности авиазавод Российской империи, основан А.А. Анатрой (1875–1943) в 1913 г.

¹⁸ Шварц Алексей Владимирович, фон (1874–1953) участник Русско-японской войны 1904–1905 гг. и Первой мировой войны, начальник Главного технического управления Русской армии. В Красной армии – командующий Северным и Петроградским участками обороны до заключения Брестского мира. Бежал на Украину в марте 1918 г. В 1919 г. – генерал-губернатор и комендант Одессы, назначенный французскими оккупационными властями. В апреле 19-го эмигрировал в Италию, вскоре переехал в Аргентину.

¹⁹ Брайкевич Михаил Васильевич (1874–1940) – один из лидеров партии кадетов, инженер, председатель Военно-промышленного комитета, консультант Биржевого комитета, председатель одесского отдела Русского технического общества и вице-президент Одесского общества изящных искусств. Городской голова Одессы в 1917–1919 гг. С 1920 г. – в эмиграции в Англии.

– Это вам Гришин-Алмазов²⁰ сказал? – проворчал Брайкевич.

– Французское командование не одобряет методов «диктатора Одессы», но следует заметить, что он искренне желает защитить город. Особенно от налетчиков, – чопорно заметил д'Ансельм.

– А посему его тайные палачи убивают женщин без суда и следствия? – резко бросил Брайкевич.

Джереми стиснул зубы. Мистер Брайкевич замечательный человек, но... у него еще никого не убили. «Суд и следствие», «женщина»... – эти глупости хранишь в душе, пока твои близкие живы. Пусть эта большевичка Жанна Лябурб²¹ тысячу раз была европейкой, леди... но без нее не будет восстания на французских судах, а значит, не хлынут в город красные орды. И чьи-то еще отец или мать... вот хотя бы той рыжей юной леди в платье цвета бледной розы, останутся жить.

– Господин диктатор убивает... а налетчики продолжают грабить. Не так ли, юноша? – желчно подхватил Шварц. – Повстречались с кем-то по дороге? – Он кивнул на грязные пятна на визитке Джереми. – Не смущайтесь, самому давеча пришлось с колена отстреливаться.

– Да, за Дерибасовской... – смутился Джереми: надо было все же отмыться, а не являться в собрание в таком виде. Он бросил беглый взгляд на свою единственную визитку и расстроился еще больше. Такое уже и не отмоешь.

– Во французской зоне? – Генерал д'Ансельм раздраженно сморщился. – Позвольте в таком случае предложить вам воспользоваться ванной – раз уж я не выполнил долг хозяина оградить вас от нападений.

Теперь уже сморщились Брайкевич и Шварц – несмотря на союзничество, видеть во французах хозяев Одессы им было неприятно.

– Тем более что ничем иным не могу вам помочь. – Д'Ансельм подозвал лакея. – Французские корабли не собираются покидать рейд Одессы, так что я вряд ли поспособствую вашему возвращению домой.

²⁰ Гришин-Алмазов Алексей Николаевич (1880–1919) – участник Русско-японской и Первой мировой войн, военный министр Сибирского «белого» правительства, временный диктатор Одессы. Убит красными (или покончил жизнь самоубийством) на Каспийском море при попытке вернуться в Сибирь.

²¹ Лябурб Жанна (1877–1919) – агитатор, член подпольной «Иностранной коллегии» в Одессе, расстреляна.

Глава 4

Голый шпионаж

Лифтовая кабинка с лязгом открылась. Скучающая в коридоре парочка ярко одетых зуавов²²-караульных подобралась, настороженно глядя в двери кабины.

– С разрешения его превосходительства генерала д'Ансельма, – сообщил сопровождающий Джереми лакей. Затренькал выведенный на стойку портье штабной телефон, зуав внимательно выслушал голос в трубке и недовольно кивнул. Следуя по коридору, Джереми затылком чуял провожающие его взгляды.

– Прошу вас, сэръ! – снова перейдя на английский, лакей распахнул дверь. – В этом номере никто из господ штабных офицеров не проживает, так что ванная в полном вашем распоряжении.

Джереми шагнул на порог ванной и увидел... ЕЕ. И даже так жестоко убитая надежда убраться из города вместе с французской эскадрой померкла перед ЕЕ прелестью.

– Позвольте, я заберу ваши вещи, сэръ! – В ванную за Джереми лакей деликатно не последовал, но реакцию его на открывшееся зрелище увидел и остался доволен – в голосе его сквозила гордость. – Надеюсь, у нас получится их отчистить.

Джереми снова длинно вздохнул... и принялся лихорадочно срывать с себя визитку, жилет, галстук, путаясь в подтяжках и прыгая на одной ноге, стащил брюки.

– Благодарю вас, любезный. – Из денег только керенки и махновские – даже неприлично за такое-то счастье! И, вытащив три сигареты, протянул их сквозь приоткрытую дверь.

– Благодарю *вас*, сэръ! – принимая чаевые, ответил лакей, и Джереми остался один – и шагнул к НЕЙ.

К душевой кабинке. Из орехового дерева! Джереми забыл отказ д'Ансельма, невозможность вернуться домой, пайковый хлеб, съеденный еще утром... Он благоговел! Изнутри стены кабины слабо мерцали – покрывающий их цинк отражал свет керосиновой лампы. А сверху располагался «фонтан» – похожий на тарелку круг с множеством дырочек! Джереми повернул бронзовый вентиль... мгновенное, пару минут всего, бурчание в трубах, будто приближающаяся вода брала разгон... и сверху хлынули струйки! Теплые! Тугие! Их удары массируют плечи, спину, прогревая тело и изгоняя усталость. Постанывая от удовольствия, Джереми подставлял им лицо, шею, вертелся, поднимая руки и восторгаясь человеческой изобретательностью. Вот бы вода еще и из стен била, чтоб лопатки массировать... Да вы сибарит, мистер Лернер! Не довольно ли вам? Пора приниматься за дело, ежели хотите, чтоб ваш преисполненный опасности поход не был напрасным! Джереми решительно закрутил вентиль, постоял в заполонившем кабинку пару и взялся за дверцу с витражным стеклом.

За дверцей слышался шорох – будто... оконная рама стукнула. Не шевелясь и стараясь даже не дышать, Джереми затаился. В витражной двери мелькнул женский силуэт. Придерживая пышную бальную юбку, незнакомка на цыпочках подобралась к двери ванной и настороженно выглянула. Убедившись, что в номере никого, она стремительным кошачьим движением скользнула за дверь. Звук шагов – и все стихло. Джереми настороженно высунул голову из душевой. За кабинкой обнаружилось окно – открытое. Леди влезла... в окно?!

– На французском штабном этаже я... в одном полотенце. – Джереми обмотался полотенцем. – И некая леди в бальном платье. *By George*²³, что здесь происходит?!

²² Зуавы – элитные части легкой пехоты французских колониальных войск, отличавшиеся строевой подготовкой, а также разноцветным обмундированием.

²³ (Святой) Георгий (англ.).

Джереми заглянул в номер – никого. Подкрался к входной двери, выглянул в коридор... и невольно отпрянул обратно. Справа, у столика со штабным телефоном, тускло мерцала керосиновая лампа и скучали зуавы охраны. А слева, у них за спинами, сквозь темный коридор бесшумно, как призрак, скользила девушка в бальном платье.

Вот она остановилась у одной из дверей, настороженно покосилась на охраняющих коридор зуавов. Джереми думал, что покосилась, – стоило загадочной незнакомке повернуть голову, как он торопливо укрылся за дверным косяком. А когда выглянул, девушки уже не было. Позвать охрану? И возможно, нарушить *tet-a-tet* прелестной леди и кого-нибудь из французских офицеров? После такого конфуза отношения с французами вряд ли зададутся. Но и уйти невозможно – не только из-за смущающего отсутствия штанов. О его присутствии на французском штабном этаже знают многие, и если загадочная девица вовсе не чья-то возлюбленная, а шпионка... как бы не оказаться *guilty though guiltless*²⁴. За прошедшие два года он понял одно: лучше быть участником событий, чем их случайной жертвой. Больше шансов уцелеть. Босые ноги бесшумно ступили на мягкий ковер. Стараясь даже не дышать, Джереми двинулся по коридору. Вот теперь если кто-то из зуавов оглянется, то увидит юношу в полотенце, деловито шествующего сквозь полумрак.

Кончиками пальцев Джереми толкнул дверь номера, заставляя ее мягко отъехать в сторону. В проеме двери, словно портрет в раме, появилась преследуемая им незнакомка в бальном платье... *by Lord*²⁵, та самая барышня лет пятнадцати, которую он видел внизу! Только барышни обычно собачек поглаживают, музицируют... а не обыскивают кабинетное бюро, методично просматривая бумаги. Джереми шагнул в номер и прикрыл за собой дверь.

– *What are you looking for in general d’Anselm’s cabinet, lady?* – негромко спросил он и понял, что задал вопрос на родном английском. Растерялся все же...

– *It’s not general’s, it’s colonel Freidenberg’s,* – не отрывая глаз от привлекшего ее внимание документа, тоже на английском ответила девушка. И только после этого ее спина напряглась от осознания, что она в кабинете не одна. Она медленно обернулась... Недаром она привлекла его внимание еще там, в зале. Забранные в высокую прическу рыжие волосы, дерзкие зеленые глаза и фарфоровая кожа. Для России мила, и весьма, а в салонах Лондона через год-другой лучшие холостяки столицы спорили бы за право пригласить ее на танец. А выдержка!

– *The same I could ask. What are you doing here?* – не дрогнув, спросила она.

– *Bathing*²⁶, – честно ответил Джереми. По крайней мере, его запах не оскорбит носик леди – последние дни... последние недели с ванными процедурами были изрядные сложности. Но вот то, что перед юной леди он несколько не одет... Нисколько не одет... Джереми почувствовал, что краснеет... и не только щеками. А в дерзких зеленых глазах мелькнула насмешка. Смущение мгновенно уступило место злости. Что эта девчонка себе позволяет?!

– Уж не знаю, зачем я объясняюсь с пойманной на месте преступления воровкой, – все еще по-английски продолжил он.

– Я не воровка! – Теперь румянец вспыхнул на щеках девчонки, а зеленые глаза полыхнули яростью. – А вот вы, сэр, голый!

– Я не голый, я в полотенце! – невозмутимо парировал Джереми. Невозмутимость – единственная броня джентльмена, даже когда тот стоит... гхм, голый... под гневным взором очаровательной рыжей леди. Невозмутимость и полотенце.

²⁴ Без вины виноватым (*англ.*).

²⁵ Господи Боже (*англ.*).

²⁶ – Что вы ищете в кабинете генерала д’Ансельма, леди? – Это не генерала, это полковника Фрейденберга (начштаба фр. войск). – То же самое я могу спросить у вас. Что вы здесь делаете? – Моюсь (*англ.*).

Пышная юбка рыжей чуть колыхнулась – значит, девица делает мелкие осторожные шажки... она метнулась к дверям... Джереми навалился животом на бюро, в последнее мгновение успев сцапать ее за запястье и выдернуть документ из ее пальцев. Она рванулась, но он держал крепко. Они яростно уставились друг на друга поверх бюро.

– Куда вы так спешите, мисс большевистская шпионка? – Джереми стиснул пальцы: если у красной твари останутся синяки – тем лучше!

– Уступаю место вам... господин агент Сиднея Рейли²⁷! – Девушка безуспешно пыталась выкрутить запястье из хватки Джереми.

– Намеряете, что я английский шпион? Тогда зачем бы мне лезть в штаб французов? Мы союзники: что известно здесь, знают и англичане. В отличие от большевиков, которые... – продолжая говорить, Джереми бросил взгляд на изысканный документ – на телеграфном бланке были наклеены строчки сообщения. Джереми замер, вчитываясь в скупые строки...

Острая боль пронзила руку, Джереми вскрикнул, невольно разжимая пальцы – на вспоротом дамской булавкой запястье протянулась кровавая полоса. Рыжая уже бежала к дверям...

Под окнами раздался пронзительный скрип шин.

– Attention, messieurs zouave²⁸! – послышались возгласы в коридоре.

За дверью прогрехотали торопливые шаги. Рыжая отскочила, будто створка была из раскаленного железа, и кинулась к окну, но там ее уже поджидал Джереми. Он сгреб рыжую в охапку, перехватывая руку с булавкой.

– Пустите меня, сэръ! – Прижатая к его груди, девушка отчаянно отбивалась, рассыпавшиеся рыжие волосы хлестнули его по груди. – Это неприлично, наконец!

– Большевистская мисс вспомнила о приличиях? Знаешь, чья там машина? Смотри! – И, намотав рыжие пряди на кулак, он прижал ее лицо к стеклу.

Внизу тормозил автомобиль. Конное сопровождение, без больших усилий держащееся впереди и вровень с авто, сбилось, конские крупы заслонили блестящий никель и хром капота, кони кружили в клубах пара, гортанные голоса низкорослых кривоногих всадников эхом отдавались в тишине улиц. Дверца машины резко отворилась, блеснул генеральский эполет... татары охраны сомкнулись вокруг диктатора Одессы.

– Гришин-Алмазов! – Глаза девчонки стали бешеными, как у загнанной собаками лисы. Она рванулась и даже не вскрикнула, когда натянулись намотанные на кулак Джереми волосы. Повернула голову... и впилась зубами ему в руку!

– God damn!²⁹ – взвыл Джереми, отшвыривая девчонку от себя. Она ударилась спиной о стену, на миг распласталась по ней, точно пришипленная бабочка – широкая розовая юбка и рыжие волосы разлетелись как крылья! – и рванулась мимо Джереми к дверям.

– Ну уж нет! – налетевший Джереми сгреб ее за талию и снова приложил о стену. Его лицо оказалось совсем рядом с ее, искаженным от боли и пылающим яростью. – Знаешь, что он делает с такими, как ты? – прямо ей в ухо выдохнул Джереми.

– Убивает, как товарища Жанну! – прошипела она в ответ и снова попыталась рвануться. Джереми навалился на нее, всей тяжестью прижимая к стене. – Всех не убьете, тварь интервентская, плесень уходящего мира! Ты живой мертвец!

– Я хотя бы живой! А ты... просто умрешь!

²⁷ Рейли Сидней (1873–1925) – британский разведчик, действовавший в России и на Дальнем Востоке в 1910–1920 гг. По одной версии, родился в Одессе (наст. фамилия Розенблюм), по другой – в Ирландии. Работал в Бразилии, затем при английском посольстве в Санкт-Петербурге. Во время Первой мировой был летчиком канадских ВВС. Говорил на семи языках. В период Гражданской войны работал в Мурманске, Архангельске, Одессе. Расстрелян в Москве. Прототип Джеймса Бонда Я. Флеминга.

²⁸ Внимание, господа зуавы! (*фр.*)

²⁹ – Черт! (*англ.*)

В нос ему словно ударил трупный запах. Три года назад по Большой Фонтанской дороге хлопотливый трамвайчик вез Джереми с отцом на дачи, а мимо, мягко шелестя шинами, катили экипажи, и девочка лет пяти помахала ему широкополой шляпой... В начале нынешнего марта вдоль этой же дороги, разбитой снарядами, изувеченной, с начисто вырубленными деревьями, лежали тела. Лицо Жанны Лябурб было спокойно, будто она от рождения знала, что это произойдет, и успела подготовиться. А туда, где сморщенная старуха глядела неподвижными глазами в небо, прижимая к себе двух молоденьких девушек, Джереми в то утро старался просто не смотреть. Потому что человек, поднимающийся сейчас по лестнице, тот же самый человек, что в марте приказал расстрелять большевистских агитаторов, этот страшный, жестокий человек – прав! Только так! Убивать прежде, чем эти твари убьют других! Выволочь ее отсюда, швырнуть генералу под ноги... Джереми отчетливо увидел скрюченную на ковровой дорожке коридора девчоночью фигурку... и улыбки на широких лицах татар, охранников и... тайных палачей одесского диктатора... Ночь, темнота, сполохи револьверных выстрелов... и кровавые розы, раскрывающиеся на изодранном пулями лифе бледно-розового бального платья. И ветер с моря, шевелящий мертвые рыжие волосы.

– Bloody hell!³⁰ – почти простонал Джереми. – Ни звука! – для убедительности встряхнув пленницу как мешок с сухарями, скомандовал он и... заломив ей руку за спину, поволок к двери.

– Aligment! Garde à vous!³¹ – прокричал звонкий голос, и зуавы в конце коридора четко вытянулись во фронт навстречу поднимающемуся лифту.

Глядящий в шелку двери Джереми ухватил девчонку за запястье и ринулся через коридор. Девчонка летела за ним как розовый флаг. Надо отдать должное маленькой большевичке – она не издала ни звука и не потратила ни секунды на расспросы, Джереми только поймал полный изумления взгляд, когда они бесшумно пронеслись за спинами охраны... и он аккуратно прикрыл за собой дверь номера – мягкий хлопок потерялся в лязге прибывшего лифта и топоте сапог.

– Monsieur général! – прокричал звонкий голос, и усталый властный баритон ответил:

– Repos! Je suis heureux!³² – и пол заскрипел под множеством шагов.

Джереми снова рванул девчонку за руку, и в ворохе ее шелков и растрепанных волос парочка ворвалась в ванную. Девчонка кинулась к закрытому Джереми окну.

– Мисс, вы глупы! – бросил, будто сплюнул, Джереми. Он прекрасно знал, что сейчас видит рыжая: разъезд татарской охраны, неспешно перекуривающий под окнами. – Раз генерал здесь, «Лондонская» окружена!

Девчонка вжалась спиной в подоконник и исподлобья уставилась на Джереми... будто уже стояла перед расстрельной командой!

– Am I stuck with this kid forever!³³ – зло фыркнул Джереми, снова хватая девчонку за руку.

– Я ни о чем вас не просила! И прекратите дергать меня как... как... как чемодан!

– Вы даже не представляете, мисс, что я сделаю с вами прямо сейчас! – оскалился в ответ Джереми – и затолкал ее в душевую кабинку. И рванул вентиль.

Из груди девушки вырвался придушенный писк, когда сверху хлынул поток ледяной воды. Пышные юбки обвисли, плотно облепив просвечивающие сквозь шелк ноги.

³⁰ – Черт побери! (англ.)

³¹ – Равняйся! Смирно! (фр.)

³² – Господин генерал! Я отдыхаю. – Вольно! (фр.)

³³ – Навязалась на мою голову! (англ.)

– I beg your pardon!³⁴ – усмехнулся Джереми. – Ошибся! – И повернул вентиль, заполняя кабинку крутым кипятком.

– Ненавижу, интервент проклятый! – прохрипела девчонка, прежде чем густые клубы пара полностью закрыли ее лицо.

– Глупо ожидать благодарности от большевички! – Джереми захлопнул дверцу кабинки.

Теперь завернуться в полотенце и... Джереми схватился за бедра... и замер. Полотенца не было. Он медленно опустил глаза – и почувствовал, как волна жара катится со лба вниз, заставляя, кажется, даже пятки вспыхнуть от стыда. Значит, он таскал рыжую большевичку... юную мисс, отлично говорящую по-английски... вот в таком виде?! Ради святого Джорджа и дракона его – где и когда он потерял дьяволово полотенце?!

– Это ищите, юноша? – сквозь расплывающийся по ванной пар сверкнул золотой аксельбант, и на пороге встал тот, из-за кого Джереми метался по отелю, таская за собой девчонку в бальном платье. Генерал Гришин-Алмазов. Между пальцев диктатора Одессы свисало мокрое полотенце.

– Что у вас там, Алексей Николаевич? – раздался из коридора знакомый голос.

– Сдается, я большевистского шпиона поймал! – хмыкнул генерал, и распаренный Джереми почувствовал себя как в русской бане – улыбка на этих тонких губах вполне заменяла ледяную прорубь.

– В ванной? – Рядом с сухопарым генералом встал Брайкевич. Окинул Джереми изумленным взглядом. – Ваш большевик... в душевой кабине, Алексей Николаевич?

– Никакого большевика тут нет, – испуганно, как и положено голому мокрому человеку, застигнутому внезапными обвинениями, пробормотал Джереми. Святую правду, между прочим. Никаких большевиков – всего одна маленькая большевичка.

– Господин Гришин! – вмешался незнакомый Джереми французский военный, тоже в генеральском мундире. – Вы знакомы с достижениями современной психиатрии? Есть занятная болезнь – паранойя. – Голос француза стал аж маслянистым от ехидства. – Заставляет видеть большевика даже в шестнадцатилетнем мальчишке!

– Мне скоро семнадцать! – Голос Джереми дал петуха, заставив мужчин снисходительно улыбнуться. Только диктатор Одессы остался невозмутим.

– Если уж интересуетесь психологией, господин генерал д'Эспере³⁵, то должны знать, что параноики чувствительны к собственному величию. Так что, господин генерал Гришин-Алмазов, или ваше превосходительство, если вам так удобнее! А пообтершись в наших пенатах, поймете, что большевиком может оказаться и мальчишка, и барышня...

Недавний жар кипятка полностью покинул тело, Джереми встряхивало от острого холода.

– Это Джереми! – наконец вмешался Брайкевич. – Сын инженера Лернера и внук лорда Картрайта. На Джереми напали по дороге сюда, и господин генерал д'Ансельм любезно позволил воспользоваться своей ванной.

– Работаете на Сиднея Рейли, юный лорд? – Холодные глаза Гришина-Алмазова прошили по Джереми еще разок. – Что, впрочем, не мешает вам быть большевиком, не так ли?

– Я не лорд, не большевик... и не агент Сиднея Рейли, ваше превосходительство, – отрезал Джереми, забирая полотенце и набрасывая его на плечо, как римскую тогу.

– Может, выключите душ? Тогда я лучше услышу ваши возражения. – Генерал помахал пальцами возле уха.

³⁴ – Прошу прощения! (англ.)

³⁵ Д'Эспере Луи-Феликс-Мари-Франсуа Франше (1856–1942) – Маршал Франции (1921). Член Французской академии наук (1934). В 1919-м – Верховный комиссар Франции в Одессе.

Теперь главное – двигаться естественно. Джереми спокойно открыл дверь душевой – пар вырвался наружу. Они не видят, что внутри, его спина заслоняет все, пар мешает... Девочка, мокрая, как выстиранная мышь, прижалась к задней стенке кабинки, глаза у нее были безумные... а в лоб Джереми смотрело дуло маленького дамского браунинга. Вот же... half-witted she-Bolshevik³⁶! Не отрывая глаз от этой сумасшедшей, Джереми повернул вентиль и небрежно – так, что даже осталась довольно широкая щель, прихлопнул за собой дверцу. – Стоило бы заняться безопасностью улиц... а не ловить большевистских... и английских шпионов по ванным. – Французский генерал брезгливо шевельнул усами-щетками.

– Его превосходительство делает для борьбы с уголовными все что возможно! – возмутился Джереми.

– Не надо меня защищать, мальчик, я все равно не перестану тебя подозревать, – хмыкнул Гришин-Алмазов. – Впрочем, теперь это уже не мое дело. – Тяжелые веки опустились, прикрывая пронзительные глаза. – Вам стоит спуститься вниз, юноша. Сведения, не известные еще нашим английским союзникам, будут оглашены там. И пробираться в кабинет начальника французского штаба нужды нет. Только оденься, парень! Чай, не в бане. – И, грустно усмехнувшись немудрящей шутке, вышел.

За ним точно свита потянулись остальные. Коридорный молчаливой тенью возник на пороге, раскладывая на широкой мраморной скамье вычищенный костюм и выглаженное белье. Джереми принялся торопливо одеваться. В кабинке капала вода – и больше не доносилось ни звука, словно там и нет никого.

– А теперь убирайтесь отсюда, большевистская мисс! – продевая в манжеты единственные уцелевшие, еще отцовские, запонки, шепнул Джереми и, не оглядываясь, вышел из номера. Стоило поспешить – не потому, что ему нужна обещанная генералом информация (и почему его принимают за агента Рейли?), а пока столы не опустели – возможность поесть представится еще не скоро.

На ходу натягивая визитку, Джереми торопливо сбежал по лестнице. Толпа сбилась в плотный кокон пестрых женских шелков и темных мужских фраков вокруг пустого пространства, где стояли д'Ансельм со своим начштабом, растерянный и смущенный Брайкевич, невозмутимый Гришин-Алмазов и приезжий француз, как его, д'Эспере, явно преисполненный самодовольства... И, придерживая подол бледно-розового бального платья, в первый ряд толпы пробиралась рыжая большевичка, которую он оставил в душевой! Не обращая внимания на шепоток скандализированной его поведением публики, Джереми протолкался к рыжей и уже привычно схватил ее за запястье.

– Я же велел вам убираться! – опять же привычно зашипел он ей в ухо.

– Сэр, кто вы такой? Вы делаете мне больно! – Зеленые глаза глядели на него с искренним изумлением: не знай он, что виделся с наглой девицей всего пару минут назад, – поверил бы!

– Мсье, мадемуазель не желает с вами разговаривать, извольте немедленно ее отпустить!

Джереми с раздражением покосился на подступившего к нему безусого французского лейтенантика. Куда этот лягушатник лезет?!

– Не вмешивайтесь, мсье, мы с этой леди... не закончили один разговор...

– Я вас не знаю! И ни о чем с вами не говорила! – совершенно натурально возмутилась рыжая. Какова актриса!

– Короткая же у вас память – мы говорили не далее как пару минут назад!

³⁶ Полоумная большевичка! (англ.)

– Мсье, вы ошибаетесь. Мадемуазель Косинская больше часа не покидала зал: уж я-то знаю – не оставлял ее ни на минуту! – Французик попытался подкрутить не существующий пока ус.

– Я наслаждаюсь вашим обществом, Жюль! – проворковала рыжая, и только пристально глядевший ей в лицо Джереми заметил насмешливую искру в ее глазах. – А теперь, сэр, вы меня отпустите?

– Не волнуйтесь, Эли, вы под защитой французской армии! Уберите руки, мсье, или я спущу вас с лестницы!

– Больше часа... но это невозможно... – жалко пробормотал Джереми, только теперь соображая, что платью на девчонке – сухое! И локоны тщательно уложенной прически – тоже! И хоть каким чудом успеет она спуститься в зал раньше его, но так быстро высушить платье и волосы можно лишь с помощью Сатаны, в его адском пламени!

– Что у вас тут происходит, молодые люди? – Оказавшийся рядом Брайкевич недобро глядел на них из-под кустистых бровей.

– Простите, Михаил Васильевич! – рыжая скромнейше опустила глазки.

– Элочка, на вас невозможно сердиться! Джереми, вы знакомы с Эльвирой Юзефовной, дочкой полковника Косинского? Замечательный был человек – увы, лучшие уходят рано...

– Думал, что знаком, – процедил Джереми.

– Обознались? – Брайкевич перешел на шепот: – Но тише, мы мешаем...

Только сейчас Джереми понял, что говорит Гришин-Алмазов...

– ...у меня было всего три месяца, и много осталось несделанным. Но по решению главнокомандующего вооруженными силами юга России Антона Ивановича Деникина, а также по настоянию Верховного комиссара Франции господина генерала д'Эспере... – Гришин-Алмазов бросил насмешливый взгляд на усатого француза, – покинуть Одессу в двадцать четыре часа...

– То есть как – покинуть? – изумился Джереми.

– Не прикидывайтесь неосведомленным, раз уж в кабинет к Фрейденбергу залезли, – шепотом фыркнул на него Брайкевич.

Рыжая покосилась на Джереми и тут же отвела глаза, с преувеличенным вниманием уставившись на диктатора Одессы. Теперь уже бывшего диктатора. Телеграмма, выхваченная из рук этой (или другой?) рыжей в кабинете французского начштаба, заявление генерала... все складывалось в картинку будущего настолько жуткого, что Джереми замер, чувствуя себя сусликом перед пастью змеи, готовой поглотить его... Одессу... эту страну... весь мир...

– А вы, мсье генерал, рассчитывали, что я деликатно объявлю о семейных обстоятельствах, побуждающих меня оставить пост? – презрительно бросил раздувающимся от гнева французу Гришин-Алмазов. – Я делал что мог и как умел, кто может – пусть сделает больше. Храни вас всех Господь. – Бывший диктатор повернулся на каблуках и направился к выходу. Татары охраны сомкнулись в кольцо вокруг генерала.

– Надо ли теперь объяснять, почему мое командование не желает иметь с вами дело?! – зло и как-то беспомощно кричал ему вслед д'Эспере. – Господа, нет повода для волнений! Просто политика во французской зоне Юга несколько меняется. Ради мира в этой многострадальной стране французское командование собирается послать парламентариев к Петлюре...

– Может, еще с красными договоритесь, предатели?!

Рыжая, подхватив юбку, стала протискиваться сквозь толпу к выходу. Джереми мгновение помедлил... и тоже заторопился прочь.

– Господа, могу заверить: Одесса сдана не будет! Французские войска готовы стоять насмерть, защищая Южную Пальмиру от варварских большевистских орд...

– Liar³⁷, – шепнул Джереми.

Девчонка выскочила в почтительно распахнутую швейцаром дверь.

– На караул! – донеслось с улицы, послышался рокот автомобиля и топот коней татарского конвоя. Гришин-Алмазов уехал. Все было кончено.

³⁷ Лжец! (англ.)

Глава 5

Операция WC

– Равняйся! Смирно! Просыпаемся все! И одеваться! Быстро, пока спичка горит!
– Слушай, Евтюхов, засунь свою спичку... – донеслось встречное предложение.
– Ма-алчать! – рявкнули в ответ. – Дисциплинка! Ведете себя как дебилы математики с нижнего этажа! А вы бойцы, вы соображать должны! Мы тут не в шахматы играем!

«Дебилы математики» с дружным стоном оторвали головы от подушек и уставились в открытое окно: оттуда веяло утренним ветерком и... доносились вот эти самые вопли!

– С шестого этажа орут. – Вадька неприязненно скривился, вспоминая вчерашнюю встречу в туалете с соседями сверху.

– Отряд «Славные атаманы»! – снова донеслось из окна. – На утренние гигиенические процедуры – становись!

– Вы таки дебилы! – сорвался с кровати Охрименко. – Эти военизированные полудурки сейчас снова, как вчера, наш туалет займут, а у нас торжественное открытие через полчаса!

Парни рванули к штанам, Вадька дернул клапан рюкзака... рюкзак показался странно легким, но разбираться было некогда – на ходу натягивая футболки, парни кинулись в двери...

Бух! Бух-бух! – потолок содрогнулся, и пара десятков глоток дружно рявкнула:

– Атаманы, атаманы, становимся к бою, добудем победу любой ценою!

Вадька врзался в застрявших в дверях парней, выбивая Охрименко в коридор. По лестнице колонной по двое спускались эти самые... «Атаманы». Пара десятков парней... и девчонок, кажется, тоже, затянутых в зеленый камуфляж и с висящими на плечах... автоматами!

– Ни шагу назад, ни шагу на месте, только вперед, только все вместе! – дружно проорали они и ломанулись к туалетам.

– Они что, и на горшок со своими ружбайками ходят? – ошалело спросил Федорчук.

– А ты по мне вчера не понял? – огрызнулся Вадька.

– Они в наш туалет с ружбайками прутся! – завопил Охрименко. Вадька представил себя – нечесаного, неумытого и неодетого – на торжественном заседании... и вчерашняя рыженькая смотрит на него... и с хриплым воплем рванул за камуфляжниками.

Девчонки отделились от отряда, такой же колонной по двое, только коротенькой, как надкушенная сарделька, прогалопировали к женскому туалету. И каждая – каждая! – одарила заспанных всклокоченных парней насмешливым взглядом! Вадька аж споткнулся на бегу... И почему ему нравился камуфляж на Мурке?! Жуть ведь! Вон у задней крутой командос пятнистые штаны плотно обтянули ножки-окорочка: свинка Ньюша на войне.

– Тебе теперь жиртресты нравятся? Твоя спортсменка надоела? – пнул его Федорчук.

– Ничего не надоела! – огрызнулся Вадька. – В смысле... ты вообще о чем?

– О вечном – о занятом туалете! – тоже огрызнулся Федорчук, нагоня опередившего их Охрименко.

Воинственные соседи втянулись внутрь... и свежескрашенная белая дверь захлопнулась у Охрименко перед носом. Ярик фыркнул как рассерженный кот и всей тяжестью навалился на ручку... дверь распахнулась неожиданно легко... и в нос Охрименко уставилось автоматное дуло!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.